

УДК 811.161.1'36: 811.161.1'38

Е.А.Скоробогатова

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВЕКОВ

О. О. СКОРОБОГАТОВА. ФОРМЫ ЗВЕРТАННЯ В РОСІЙСЬКІЙ ПОЕЗІЇ XX – XXI СТОЛІТЬ.

Російська поезія XX – XXI століть характеризуються високою діалогічністю. Ліричний діалог передбачає звернення поета до різних співрозмовників: існуючих і іреальних, конкретних або узагальнених, до осіб, предметів, явищ і абстрактних суттєвостей. У поетичному мовленні новітнього часу в конструкції звертання використовуються різні форми: архаїчна клична форма, називний відмінок іменника, розмовна клична форма, називний відмінок субстантивата. Різні форми звертання виконують в сучасній російськомовній поезії різні функції: розмовна скорочена форма вказує на імітацію реальної діалогічності в площині віршового представлення розмовного дискурсу; архаїчна форма – на поетичну презентацію історичної або релігійної тематики, вона також формує інтертекстуальні зв'язки з давніми текстами або біблійний інтертекст; форма називного відмінку підвищує неозначеність і багатовекторність ліричного діалогу.

Ключові слова: звертання, клична форма, називний відмінок, віршовий текст, поетична морфологія, морфологічна поетика.

Е.А.СКОРОБОГАТОВА. ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX-XXI ВЕКОВ.

Русская поэзия XX – XXI веков характеризуется высокой диалогичностью. Лирический диалог предполагает обращение поэта к различным собеседникам: реальным и вымышленным, конкретным и обобщенным, лицам, предметам и абстрактным сущностям. В поэтической речи новейшего времени в конструкции обращения используются различные формы существительных: архаическая звательная форма, именительный падеж существительного, просторечная звательная форма, субстантиваты в форме именительного падежа. Эти формы выполняют в современной поэзии разные функции: усеченная разговорная форма указывает на имитацию истинной диалогичности в рамках поэтического представления разговорного дискурса; книжная архаическая форма – на поэтическое представление исторической или религиозной тематики, она также определяет интертекстуальные связи с древнерусскими текстами, христианский интертекст; форма именительного падежа повышает неопределенность и многозначность лирического диалога.

Ключевые слова: обращение, звательная форма, именительный падеж, поэтический текст, поэтическая морфология, морфологическая поэтика.

O.O. SKOROBOGATOVA. FORMS OF ADDRESS IN RUSSIAN POETRY OF THE 20TH AND THE 21ST CENTURIES.

Russian poetry of the 20th and the 21st centuries is characterised by intensive usage of dialogueness. Lyrical dialogue involves poet's addressing different interlocutors: real and fictitious, concrete and generalized, people, things and abstract entities. Various forms of substantives are used in address construction of poetic discourse in contemporary times: the archaic vocative form, the nominative case of nouns, the contracted colloquial vocative form and the nominative case of substantivised nouns. These forms perform different functions in modern poetry. The contracted colloquial vocative form points out the imitation of genuine dialogueness in the framework of colloquial discourse poetic representation. The bookish archaic form reveals representation of historic or religious subject-matter. Moreover it identifies the intertextual connections with Old Russian texts, Christian intertext. The form noun nominative case increases uncertainty and polysemy of the lyrical narrative.

© Е.А. Скоробогатова, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.570998>

Key words: the address, the vocative form, the nominative case, poetic morphology, morphological poetics.

«Для художественного мышления и образного отражения мира в XX веке характерны: новая, более сложная, организация пространства и времени в художественных произведениях; масштабность («грандиозность») образов; отражение мира в движении, динамике; динамизм в образной структуре; не менее активное, чем в науке, стремление к познанию мира, к проникновению в глубь вещей, в невидимый мир, в скрытые связи и отношения; образное воплощение новых представлений о структуре мира, об отношениях человека и мира, человека и природы; художественный синтез контрастных и далеких вещей и представлений» [5, с. 9]. Новые представления о структуре мира и о взаимодействии мира и человека, мира и поэта формируют особенности лирического нарратива новейшего времени. Поэтический текст этого периода характеризуется повышенной диалогичностью [4], причем диалогичность эта особого рода, автор лирического текста или его лирический герой обращается как конкретному адресату, так и к адресату обобщенному, обращение может называть не только лицо или лица, но персонифицированную абстрактную сущность, предмет, по сути, любую субстанцию или явление, служащее предметом поэтических размышлений. Функции обращения в поэтической речи подробно описана в работах Л.П. Черкасовой [10] и И.И. Ковтуновой [4]. Грамматическая форма обращения формирует сильную позицию стихотворного текста, выделенную интонационно и тематически. Русский поэтический язык использует в позиции обращения несколько форм: архаическую звательную форму, именительный падеж и усеченную разговорную звательную форму. Каждая из этих форм имеет свои грамматические, стилистические, семантические и функциональные особенности. Цель данной статьи – рассмотреть функционирование разных морфологических форм в синтаксической позиции обращения с точки зрения поэтических

Н.М. Шанский называет архаическую звательную форму грамматическим явлением, «сторонним ныне русскому языку», отмечая лишь что оно «когда-то существовало в нем в виде особого звательного падежа обращения» [11, с. 185]. Ученый указывает, что современный носитель русского языка знаком лишь с четырьмя устойчивыми словоформами: *Боже, Господи, отче и старче*. (Знакомство с формой *старче*, вероятнее всего, связано с детским прочтением «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.) Эти формоупотребления многие исследователи называют реликтами звательной формы, сохранившимися в современной русской грамматической системе. Анализируя стихотворения Есенина, Н. М. Шанский относит фрагменты со звательной формой к «трудным строкам лирики» поэта [там же, 175]. И действительно, для анализа выделяются фрагменты *Радуйся, Сионе...; О Саваофе! О дево Мария! Ей, Господи, Царю мой!*, относящиеся к религиозно-церковному дискурсу, плохо знакомому (особенно в своей языковой специфике) рядовому носителю языка. (Отметим, что наряду с официально-церковными формами Сергей Есенин употребляет и разговорно-церковную Миколае-чудотворче: *Миколае-чудотворче, Помолись ему за нас!*, создавая обращение в форме единого звательного бинорма, объединяющего диалектный оним с характеризующим приложением [1]).

Исследователь на примере лирики Есенина показывает особенность поэтического употребления звательной формы русскими поэтами XX века как маркера церковно-религиозного дискурса. Наш материал подтверждает эту тенденцию: практически все зафиксированные нами употребления относятся либо к религиозно-церковному пласту лексики [8, с. 172], либо служат маркерами интертекстуальности, отсылая к религиозным или древним прецедентным произведениям: например: *Свете тихий – святые славы – Вседержитель моей души*. (М. Цветаева); *Ребята нашего двора / Приказывали: «Пой, Бояне!» / И я старался на ура* (А. Цветков). И в поэтических фрагментах С. Есенина и М. Цветаевой, и в других лирических произведениях формы звательного падежа соседствуют с традиционной в сегодняшнем русском литературном языке формой обращения в именительном падеже. В контексте истории языка рассматривает функционирование звательной формы в русской поэзии Л. В. Зубова [3].

Исчезновение звательной традиционной формы в разговорной речи, использование в функции обращения формы именительного падежа, архаизация и непродуктивность

исторической звательной формы в речи поэтической – вот тенденция, которую трудно не заметить.

Вместе с тем, при совпадении конструкций обращения с иными номинативными конструкциями возникает проблема разграничения обращения, номинативных предложений и именительного темы, а в поэтическом тексте – возможность и регулярность нейтрализации синтаксической функции и усиления многозначности текста за счет грамматической омонимии. Эта проблема функциональной омонимии форм именительного падежа поднималась уже А. М. Пешковским. Ученый описывает «именительный падеж существительного, обозначающий лицо или предмет, к которому обращаются с речью, – так называемое «обращение». Исследователь отмечает, что основной смысл описываемой единицы – побудительный: «побудить слушателя слушать, обратить его внимание на речь говорящего» [6, с. 407]. Однако исследователь отмечает, что даже в разговорной речи побудительная функция совмещается с функцией квалификации самого слушателя.

А. М. Пешковский приводит многочисленные примеры обращений в форме именительного падежа из произведений А. Пушкина, А. Грибоедова, М. Лермонтова. Добавим к ним выразительные примеры из стихотворений поэтов XX – XXI вв: *Москва моя, злодейка, / Будь человеком! / Ты уж порадей...* (В. Долина); *Поворкуй, голубка-кровь, спутница души. / Спросишь, смерть или любовь? Обе хороши!* (Б. Кенжеев); *О Галич, Некрасов XX века! Тобой – наша честь спасена!* (М. Рахлина).

Если в первом и во втором примерах синтаксический статус обращения очевиден благодаря использованию повелительного наклонения глагола, хотя статус второго элемента конструкции (*злодейка* и *спутница души*) размыт и неопределен, то в стихотворении Марлены Рахлиной фрагмент *О Галич, Некрасов XX века!* мы квалифицируем первый элемент как обращение лишь благодаря контексту, так как форма *тобой* находится вне именной конструкции. Второй элемент, по-видимому, является определителем при первом, как и в предыдущих примерах.

Совмещение функций приводит к тому, что в русском поэтическом тексте ряды именительного падежа часто совмещают функции и либо поочередно разворачиваются в лирическом нарративе то как обращение, то как именительный темы (см., например, стихотворения Ю. Левитанского [9, с. 53 – 56]), то как именительный темы или обращение с определителем, либо формирует синтаксически неопределенный фрагмент. Так как категория падежа определяет в первую очередь синтаксические функции словоформы: организатора предикативной основы предложения, расширителя словосочетания и предложения или номинации адресата речи, – то совпадение падежных форм и возникающая их омонимия приводит к естественному повышению многозначности лирического фрагмента. Рассмотрим пример:

*Бахыт, мой друг любимый неземной.
С тех пор, что на поверхности кристалла
Лежат следы решетки новостной –
Одна душа любить не перестала
Тебя, мой иноходец. Варвар мой.
Мой чингизид. Мамай мой безутешный.
Когда бы ты не прилетал домой –
Ты мне умел звонить когда-то, грешной,
Теперь мы обратились...*

Зачин стихотворения В. Долиной *Бахыт, мой друг любимый неземной.* можно охарактеризовать как именительный темы. Точка в конце первого стиха указывает на отсутствие звательной интонации. Следующая фраза включает обращение *мой иноходец* на это указывает местоимение *тебя*, а номинативный ряд *Варвар мой. Мой чингизид. Мамай мой безутешный.* выполняет скорее не звательную, а номинативно-характеризующую функцию. Пунктуация также свидетельствует о том, что эти единицы являются номинативными предложениями. В то же время местоимение *Ты* в следующей фразе позволяет по аналогии считать весь этот ряд рядом однородных обращений. По-видимому, все конструкции именительного падежа этого фрагмента кроме сочетания *мой иноходец* следует рассматривать

как синтаксически многозначные. В то же время функция словосочетания *мой иноходец* может быть охарактеризована только как обращение, что придает заметный оттенок поэтической диалогичности всему фрагменту.

Функцию обращения выполняет и именительный падеж субстантиватов, который подобно существительным в именительном падеже называет адресата речи, при этом четко характеризуя его: *Смейся, смейся, неправый! Я ничего не прошу* (В. Долина).

Форма звательного падежа в русской поэтической речи сохранилась как маркер христианского и исторического дискурса ((*Разницы, жено, нет. Сын или Бог, я твой!* (И. Бродский); в том числе и в окказиональных формах, где поэтическая стилизация соотносит авторское обращение с традиционно религиозным (*помоги нам выжить, святой снеже, падай белый, падай, золотой!* (Б. Чичибабин)), но вытеснилась в поэтическом обращении к современникам, заменившись формой падежа именительного...

Вместе с тем, отказавшись от древней звательной формы, русская разговорная речь сформировала новую – усеченную форму обращения по краткой (семейной) форме имени или по термину родства: *Вов, Коль, Лен, пап, мам, дядь, тетя*. Эта форма считается просторечной и не является универсальной: ее нельзя образовать, например, от фамилии или иного типа онима, ее не образуют никакие апеллятивы, кроме перечисленных. Тем не менее, она широко используется в разговорной речи.

Поэзия, чутко откликающаяся на все языковые и речевые новации, также использует эту форму, которая, во-первых, разграничивает художественную имитацию реальной диалогичности и специфическую поэтическую диалогичность, связанную с обращением к отсутствующему или не имеющему возможности ответить адресату. Просторечная звательная форма – маркер реальной диалогичности, она называет адресата как конкретного участника диалога: *Хочешь, я достану, Вер, смит-и-вессон, револьвер?* (В. Полозкова); *Послушай, Зин, не трогай шурина* (В. Высоцкий). Эта способность связана с тем, что звательная форма имеет особый статус в падежной системе славянских языков. В звательной форме «ядерной» является функция, которая объединяет адресата волеизъявления говорящего (волевої дії мовця) и субъекта потенциального действия собеседника» ([2, с. 175]). Эта функция регулярно реализуется в высказывании, когда позицию предиката занимает форма повелительного наклонения. Все остальные функции звательной формы исследователи считают вторичными [там же].

Разговорная звательная форма выступает как стилистическая доминанта стихотворений, имитирующих просторечный диалог, либо посвященных теме детства:

Мам, а небо далеко?

Далеко.

Мам, а море далеко?

Далеко.

Мам, а солнце далеко?

Далеко.

Мам, а папа далеко?

Далеко.

(В. Павлова)

И книжная, и разговорная звательные формы выполняют функцию морфологического маркера обращения в современных стихотворениях, лишенных графических пунктуационных знаков и различия прописной и строчной букв: *элоиза в ответ абеляру спасибо отче / я могла бы сама но у вас получилось четче* (А. Цветков).

Следует ли считать использование архаичной и просторечной звательной формы в современной русской поэзии нарушением языковой нормы? По-видимому, нет. На наш взгляд, в этом и подобных случаях намеренного авторского отбора в сторону использования в художественном тексте неконвенциональных форм речь может идти о нарушении предсказуемости (по Риффатеру) на фоне языковой нормы. И «сторонняя» современному русскому языку архаичная звательная форма, и просторечный звательный повышают экспрессивность текста за счет нарушения читательской предсказуемости, которая, в свою очередь, опирается на традиционное восприятие нормативных форм.

Исследование особенностей поэтического функционирования звательной книжной и разговорной форм, на наш взгляд, входит в задачи общей поэтической грамматики русского языка [8] и поэтической грамматики идиостилей [7], так как разные поэты по-разному используют потенциал этих форм.

Анализ значительного корпуса фрагментов, включающих разные формы обращения в русскоязычной поэтической речи новейшего времени, показывает, что эти формы выполняют в современной поэзии разные функции: усеченная разговорная форма указывает на имитацию истинной диалогичности в рамках имитации разговорного дискурса, книжная архаическая форма – на поэтическое представление исторической или религиозной тематики, форма именительного падежа повышает неопределенность и многозначность лирического нарратива. Кроме того, наш материал показывает, что русскоязычные поэты, сформировавшиеся в двуязычной славянской языковой среде в том случае, если второй активный язык имеет современную звательную форму (русскоязычные поэты Украины или выросшие в Украине, русскоязычные поэты, живущие и пишущие в Польше, Чехии.), более активно используют архаичную звательную форму, функции и поэтическая сфера которой значительно расширена по сравнению с поэзией других авторов. Это составляет перспективу исследования, как и сопоставление особенностей функционирования форм обращения в русской и украинской, русской и польской, русской и чешской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бувалец Е.В. Семантические связи между компонентами в составе субстантивного бинорма с определительными отношениями // *Лінгвістичні студії: зб. наук. праць.* – Донецьк: ДонНУ, 2013. – Вип.26. – 316. с. – С. 82-85.
2. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови: Морфологія: Монографія. – Донецьк: ДонДУ, 1996. – 437 с.
3. Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.
4. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 206 с.
5. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – 304с.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. [Изд. 7-е]. – М.: Просвещение, 1956. – 512 с.
7. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостилях: Монография. – Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 2014. – 236 с.
8. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.
9. Скоробогатова Е. А., Колода Д. В. Основные типы номинативных рядов в стихотворениях Юрия Левитанского // *Русская филология. Украинский вестник.* – Харьков, 2005. – № 4. – С. 53 – 56.
10. Черкасова Л. П. Обращение в структуре поэтического текста // *Язык русской поэзии XX века (сборник научных трудов).* – М., 1989. – С. 119 – 127.
11. Шанский Н. М. Лингвистический анализ стихотворного текста: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 2002. – 224 с.

(Статья поступила в редакцию 10 января 2017 г.)